

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ РОМАНЫ
СОФИ ЛАРК:

БЕЗДУШНЫЙ ПРИНЦ
ПЛЕНЁННАЯ ПРИНЦЕССА
НЕПОКОРНЫЙ РЫЦАРЬ
ИЗРАНЕННОЕ СЕРДЦЕ
РАЗРУШЕННАЯ КЛЯТВА

Продолжение следует...

СОФИ ЛАРК

РАЗРУШЕННАЯ
КЛЯТВА

Freedom

МОСКВА
2025

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Λ25

Sophie Lark
BROKEN VOW
Copyright © 2023 by Sophie Lark

Художественное оформление *Игоря Пинчука*

Λ25 **Ларк, Софи.**
Разрушенная клятва / Софи Ларк ; [перевод с английского А. Коношенковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Freedom. От врагов к возлюбленным. Бестселлеры Софи Ларк).

ISBN 978-5-04-200570-1

Риона Гриффин идеальна, если не считать того факта, что на дух меня не переносит. Она считает, что ей никто не нужен. Но Риона ошибается. Ей нужен я.

За ней охотится тот, кто не привык проигрывать. Когда Риону пытались утопить в собственном доме, меня попросили о помощи. Я позабочусь о ней, буду защищать днём и ночью. И пусть она считает, что хуже наказания не придумаешь, я уверен – Риона сможет проникнуться ко мне симпатией. Пусть она пообещала никогда не влюбляться, есть клятвы, которые стоит разрушить...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-200570-1

© Коношенкова А., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Эту книгу я посвящаю всем выдающимся
и сексуальным юристкам, особенно
Джинне и Тие. Я знаю, что мои ошибки
не останутся незамеченными вами,
и люблю вас за это ;)*

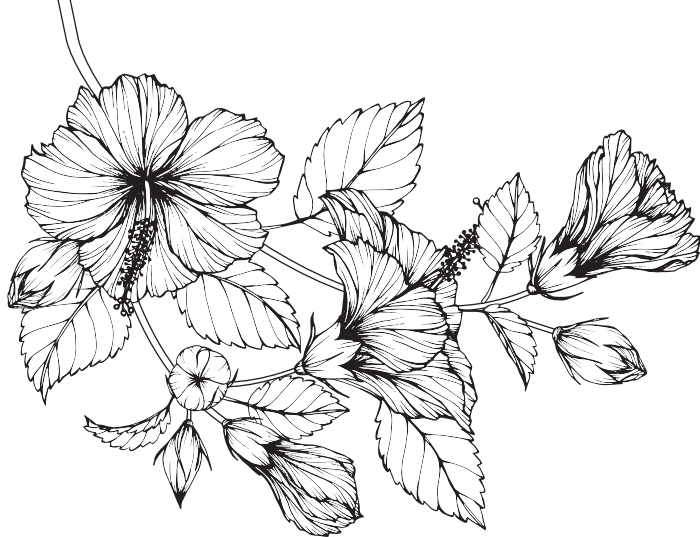
Хо-хо-хо...

Софи

Трейлист

1. «Boss Bitch» — Doja Cat
2. «California Dreamin'» — The Mamas & The Papas
3. «Please Mr. Postman» — The Marvelettes
4. «Devil's Advocate» — The Neighbourhood
5. «My Truck» — BRELAND
6. «She's Country» — Jason Aldean
7. «Dirt On My Boots» — Jon Pardi
8. «Maniac» — Conan Gray
9. «Sunday Best» — Surfaces
10. «Say Something» — Justin Timberlake
11. «All of Me» — Brooklyn Duo
12. «First Day of my Life» — Bright Eyes
13. «Electric Love» — BØRNS

Риона

Я сижу в своем угловом кабинете и оформляю документы на покупку земельных участков для «Саут-Шор Девелопмент». Людям кажется, что работа юриста состоит из бесконечных прений, но на самом деле в зале суда и на переговорах мы проводим лишь незначительную часть времени. Подавляющее большинство рабочих часов проходит у меня в этом кабинете, пока я составляю, читаю или редактирую документы.

Я совсем не против проводить здесь время одной. Это мое святилище, где все мне подвластно. Мой стол стоит ровно так, как я того хочу, с видом на раскинувшиеся передо мной башни Марина-Сити, Мичиган-авеню и реку Чикаго.

Все в моем кабинете выполнено в бледных оттенках олова и латуни, а также кремовых и голубых тонах — цветах, которые меня успокаивают.

На стене висят три акварели Сутянь Сюэ, а в углу стоит скульптура Жана Фурье. Его работа называется «Структурные элементы» и представляет собой строение атома, но мне она больше напоминает солнечную систему.

Мои коллеги заканчивают работу и покидают рабочие места. Парочка из них по пути заглядывает ко мне, чтобы пообщаться: спросить что-то по работе или просто обсудить какую-нибудь ерунду. Моя ассистентка Люси предупреждает, что закончит со стопкой договоров аренды, которую я ей передала, завтра с самого утра, а Джош Хейл сообщает, что на прошлой неделе я заняла второе место в игре Pick'em¹ и выиграла баснословную сумму в двадцать долларов.

— Ни за что бы не подумал, что ты интересуешься футболом, — замечает он со снисходительной улыбкой.

— Я и не интересуюсь, — мило отвечаю я. — Просто люблю выигрывать деньги.

Мы с Джошем не друзья. Более того, мы прямые конкуренты. Самый пожилой партнер фирмы собрался на пенсию, и, когда Виктор Вайс уйдет, вероятнее всего, на его место возьмут меня или Хейла. И мы оба это понимаем.

Но, даже если бы мы не метили вдвоем на место партнера, я бы все равно его презирала. Мне не по душе люди, которые прикидываются дружелюбными, а сами разнюхивают информацию, которую смогли бы использовать против тебя. Я бы уважала

¹ Pick'em — игра, в которой нужно предугадывать, какие места займут команды. — *Здесь и далее прим. пер.*

Джоша больше, будь он честным говнюком, а не притворным душкой.

Все в этом парне раздражает меня, от тесного костюма до пахучего парфюма. Он напоминает мне какого-нибудь телеведущего. Внешне, пожалуй, Райана Сикреста¹, а по характеру, скорее, Такера Карлсона² — вечно мнит себя раза в два умнее, чем на самом деле.

Вот и теперь Джош не может устоять перед возможностью что-нибудь выведать и внимательно осматривает мой кабинет, пытаясь разобрать заголовки документов, лежащих на моем столе. В упорстве ему не откажешь.

— Ну все, пока, — говорю ему я, недвусмысленно намекая покинуть мой офис.

— Не перетрудись, — отвечает Хейл, делая пальцами жест, будто стреляет в меня.

После его ухода тяжелый запах одеколona висит в воздухе еще минут двадцать. Фу.

Последним уходит дядя Оран, старший партнер фирмы и сводный брат моего отца, а также мой самый любимый родственник. Именно благодаря ему я и стала юристом.

На всех семейных праздниках я загоняла дядю в угол и начинала расспрашивать о всяких странных и интересных судебных делах — например, о муж-

¹ Райан Сикрест — бессменный ведущий американского музыкального шоу American Idol, а также ведущий многих других телевизионных проектов.

² Такер Карлсон — американский консервативный политический обозреватель и журналист, ведущий политических и аналитических шоу.

чине, который подал в суд на компанию «Пепси» за то, что та отказалась предоставить ему реактивный штурмовик стоимостью в двадцать три миллиона долларов в обмен на пепси-баллы, или тот случай, когда компания «Проктер и Гэмбл» пыталась оспорить в суде, что чипсы «Принглз» состоят из картофеля.

Дядя Оран — прекрасный рассказчик, способный выжать драму даже из самого запутанного дела. Он объяснял мне все о прецедентах и законодательных актах, а также о том, насколько может быть важна даже самая крошечная деталь... какая-нибудь запятая, поставленная не в том месте и способная сделать недействительным весь контракт.

Дядя восхищает меня как своими остроумием и очарованием, так и тем, как он похож на моего отца, при этом так сильно от него отличаясь.

Они оба носят дорогие, подогнанные по фигуре костюмы, но дядя Оран одевается как какой-нибудь профессор «Тринити-колледжа» из Дублина — в твидовые и шерстяные комплекты с деревянными пуговицами и заплатками на локтях, в то время как мой отец выглядит как американский бизнесмен. Они оба высокие, с густыми седыми волосами и длинными худыми лицами, но у дяди Орана внешность типичного «черного ирландца»¹, с темными глазами и оливковым оттенком кожи, а глаза моего отца пронзительного василькового цвета.

¹ «Черные ирландцы» — термин (не имеющий негативного оттенка), который применяется к людям ирландского происхождения с определенным типом внешности, отличающимся от стереотипного представления о рыжеволосых ирландцах.

Больше всего меня завораживает акцент дяди Орана. Он подрастерял его за годы жизни в Америке, но этот ирландский говор все равно проступает в его речи, как позолота. А еще дядя любит хорошие ирландские пословицы: *«Забывтые долги не становятся оплаченными»* или *«Слава не бывает дурной, если это не некролог»*.

Он ровно такой, каким был бы мой отец, если бы вы вырос в Ирландии в какой-нибудь альтернативной реальности, где не нашлось место Чикаго.

Этим вечером дядя стучится ко мне со словами: «Ты же знаешь, что у тебя не почасовая оплата, Риона? Иногда ты можешь позволить себе пойти домой и по-прежнему иметь возможность покупать такие дорогие туфли».

Речь идет о паре темно-красных лодочек французского бенда «Номасей», которые аккуратно стоят в сторонке под моим рабочим столом. Я снимаю их, когда знаю, что буду долго сидеть, чтобы на носках не образовались складки.

Я улыбаюсь дяде Орану.

— Я знала, что вы оцените, — говорю я.

— Я все замечаю, — отвечает он. — Как, например, и то, что у тебя на столе лежат все документы на покупку земельных участков для «Саут-Шор». Я говорил, что этим займется Джош.

— Я уже начала с ними работать, — нахмурившись, замечаю я. — Думаю, я могу и закончить.

Оран качает головой.

— Ты слишком много работаешь, Риона, — серьезно говорит он мне. — Ты молода. Ты должна развлекаться с друзьями и парнями, хотя бы иногда.

- У меня есть парень, — сообщаю я.
- Вот как? И где он?
- Примерно в пяти милях отсюда, — киваю я головой в сторону окна. — В больнице «Мерси».
- О, тот хирург? — дядя усмехается. — Вы еще вместе?
- Да, — смеюсь я в ответ. — А что не так с Дином?
- Ну... — вздыхает Оран. — Я не собирался ничего говорить, но я видел, как он давеча прислал тебе розы. *Красные* розы.
- И что?
- Он не слишком-то изобретателен, правда?
- Я пожимаю плечами:
- Некоторые предпочитают классику.
- Некоторым просто лень напрягать фантазию.
- Какие же цветы стоит посылать дамам?
- Оран ухмыляется:
- Я всегда посылаю виски. Отправь женщине бутылку односолодового «Буннахбхайна» сорокалетней выдержки... и она поймет, что твои намерения серьезные.
- Это не про нас, — сообщаю я дяде. — У нас ничего серьезного.
- Оран заходит в мой кабинет и сгребает стопку папок с моего стола.
- Эй! — протестующе восклицаю я.
- Это для твоего же блага, — говорит Оран. — Иди домой. Надень красивое платье. Проведи хорошо вечер. Завтра утром этот ленивый говнюк Джош обнаружит документы на своем столе.
- Хорошо, — говорю я, только чтобы закрыть тему.

Я позволяю Орану унести папки, а затем смотрю, как он направляется к лифтам, перекинув через плечо кожаную сумку вместо портфеля. Но я не собираюсь уходить. У меня и без договоров купли-продажи еще миллион проектов, которые нужно изучить.

А это мое самое любимое время для работы над ними — когда все уходит и свет в коридоре становится приглушенным. В полной тишине и темноте офисного здания, когда единственным источником света являются огни большого города подо мной и никто и ничто не может меня потревожить.

Ну, почти никто.

Мой телефон, лежащий на столе экраном вниз, вибрирует. Перевернув, я вижу на нем имя Дина.

«Все в силе? Встречаемся в «Роузис»? Пропустим по бокальчику».

Я размышляю над его предложением. «Роузис» всего в паре кварталов отсюда, я могла бы заскочить на бокальчик по пути домой.

Но я устала, у меня болят плечи, а сегодня даже не было возможности размяться. Я думаю о бокале вина в шумном модном баре, сравнивая его с бокалом, который я могу принять, расслабившись в теплой ванне и слушая какой-нибудь подкаст вместо пересказа событий дня Дина.

И я знаю, что кажется мне более соблазнительным.

«Прости, — пишу я в ответ. — Буду работать допоздна, а потом сразу домой».

«Ладно, — отвечает Дин. — Поужинаем завтра?»

Я отвечаю не сразу.

«Конечно, — пишу я. — Завтра в 18:30».

Мы с Дином встречаемся три месяца. Он торакальный хирург — проводит операции на органах грудной полости. Он умный, успешный, красивый и хорош в постели — возможно, как и все хирурги: они знают все о теле человека и отменно владеют руками).

Я должна быть рада этой возможности. Должна предвкушать завтрашний ужин.

Но мне просто... все равно.

Дело не в Дине. Каждый раз я наступаю на одни и те же грабли: узнав кого-то получше, я начинаю подмечать все их недостатки — несоответствия в том, что они говорят, логические пробелы в их аргументации. Я бы хотела отключить эту функцию своего мозга, но не могу этого сделать.

Отец бы сказал, что я ожидаю от людей слишком многого.

«Никто не идеален, Риона. И меньше всего — мы сами».

Я это знаю.

Свои собственные недостатки я отмечаю лучше, чем чьи-либо еще. Я могу быть холодной и неприветливой. Упертой. Я быстро завожусь и долго остываю.

Хуже всего то, что меня легко вывести из себя. Например, если мужчина начинает повторяться.

Мы встречаемся всего ничего, а Дин уже трижды рассказывал мне о том, как ему кажется, что анестезиологи в его отделении вступили в заговор против него после того, как Дин отказался нанять одного из их друзей.

«Ох уж эти южноафриканцы, — жаловался он мне во время нашего последнего обеда. — Берешь на работу одного, и они уже хотят, чтобы ты нанял их свата и брата, и вот уже весь хирургический отдел кишмя кишит выходцами из ЮАР».

К тому же Дин, похоже, считает, что теперь, преодолев трехмесячный рубеж, он имеет право на большую часть моего времени. Вместо того чтобы спрашивать о моих планах на вечер пятницы или субботы, он строит их сам, и мне приходится напоминать мужчине, что я занята работой или собираюсь на семейный ужин.

«Могла бы и пригласить меня поужинать с семьей», — как-то обиженно бросил мне Дин.

«Это не светский ужин, — ответила я. — Мы будем обсуждать вторую стадию застройки Саут-Шора».

Большинство наших семейных ужинов — деловые, так или иначе. Наши рабочие и личные связи настолько тесно переплетены, что я едва ли когда-нибудь видела своих отца, мать, братьев и сестер «вне работы».

От судьбы нашего бизнеса зависит судьба нашей семьи — так уж у ирландской мафии повелось.

Дин что-то знает о криминальных связях Грифффинов — сложно не знать, когда наша семья уже двести лет возглавляет ирландскую мафию в Чикаго.

Но он не понимает, что это значит на самом деле. Для Дина это какая-то занимательная семейная история, вроде того как люди рассказывают, что они потомки Генриха VIII. Он понятия не имеет,